

Итог работы целого поколения

М. ШТРАУХ

Заслуженный артист РСФСР

Нет для актера более благородной и благодарной задачи, чем работа над образом Владимира Ильича Ленина. Она огромна и небывала для нас по ответственности. На этой работе проверяется рост и зрелость советского театра и советской драматургии. На этой работе растет актер.

Создание образа Ленина в театре тесно связано с общей проблемой создания образа советского положительного героя. Было время (оно сейчас кажется очень давним), когда нашим авторам удавались больше так называемые «отрицательные персонажи». Актеру, которому предстояло играть роль «положительного героя», было известно, что текст его роли будет ходульным, истинны — прописными, персонаж получится «картонный».

Сейчас дело изменилось. Драматурги, режиссеры и актеры много потрудились над созданием образа советского героя. От пьесы к пьесе, от роли к роли упорно двигалась мысль к намеченной цели. В разных театрах разные актеры работали над одной и той же темой — темой положительного советского образа.

Этот герой многолик. Я вспоминаю образы рабочих, созданные Ваниным («Голос недр»), Щукиным («Барсуки»), Орловым («Поэма о топоре»); образы работников — Глизер («Инга»), Бабановой («Поэма о топоре»); образы крестьян — Качаловым («Бронепоезд»); образы партийных работников — Хмелевым («Бронепоезд»); образы хозяйственников — Астанговым («Мой друг»); образы матросов, партизан и военных — Ст. Кузнецовым («Любовь Яровая»), Ваниным («Штурм»), Баталовым («Бронепоезд»), Бабочкиным («Чапаев»); образ учительницы — Пашенной («Любовь Яровая»); образы матерей — Корчагиной-Александровской («Иван Калаяев»), Блюменталь-Тамариной («Слава»), Бирман («Начало жизни»); образы старика-ученого — Черкасовым («Депутат Балтики») и т. д.

Эта работа над образами, рожденными советской революционной действительностью, является поистине общим, коллективным трудом всего нашего актерского поко-

ления. Без этой огромной работы не могла бы возникнуть и самая мысль о создании образа Ленина, ибо образ Ленина — это обобщение и синтез положительного героя-вождя.

Когда мне поручили в пьесе А. Корнейчука «Правда» (а затем и в кино) роль В. И. Ленина, я был поражен смелостью этого предложения. Мне казалось, что всё против меня: и мои внешние данные, и срок выпуска постановки, и «эскизность» текста роли, и выжидательное молчание окружающих.

Потрясенный величием образа Ленина, я был в состоянии растерянности и не знал, что делать, с чего начать, как «прикоснуться» к нему? Было страшно. Но эпоха воспитывает нас быть смелыми и дерзать.

Но совести говоря, вначале я думал только об одном — о художественном такте и скромности в этой работе. Любовь народа к Ленину беспредельна и неугасима. Советский зритель никогда не простит малейшее отклонение или нечувствительность.

Ленина я при жизни не видел. Чем может восполнить художник отсутствие непосредственных впечатлений от общения с живым человеком?

Я начал с того, что стал читать все, что только мог достать о Ленине. И не только о Ленине. Я читал биографии революционеров-большевиков, потому что в них отражается Ленин. Я искал живых свидетелей, мучил их расспросами, подолгу бродил по чудесным залам ленинского музея, смотрел кинохронику кадр за кадром, ловил по пластинкам интонации Ленина, его тембр голоса, изучал его образ в живописи, скульптуре, поэзии.

Хотелось все это вобрать в себя, с головой уйти в материал. Огромный поток впечатлений охватил меня. Постепенно он

укладывался в моем сознании, и медленно стал выплывать стройный и величавый образ Ленина, живое и сложное ощущение которого надо было передать просто и верно.

Надо было разобраться, из чего складывается образ Ленина, надо было определить главные черты его.

«Задело» меня и отложило в моей «творческой кладовой» то, что в многочисленном материале о Ленине, в различных воспоминаниях о нем встречаешься с фразой: «Ленин стал меня расспрашивать». Это показалось значительным и не случайным. Вспомнилась картина художника А. Моравова, запечатлевшая Ленина сидящим в вагоне среди солдат-фронтовиков в этот характерный для него момент расспроса.

Ленин чутко прислушивался к страданиям, думам и чаяниям народа. Он был ученый и философ, который много времени отдавал работе в библиотеках и кабинете над книгой. Но в то же время он черпал свое конкретное знание жизни из живого общения с трудящимися. Ленин сам требовал «...жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроение массы, ее действительные стремления, потребности, мысли...» (Т. XXVII, стр. 153).

И сами трудящиеся это отлично чувствовали. Я попал на такое воспоминание о Ленине, в котором очень хорошо объяснен интерес Владимира Ильича к расспросам. Один крестьянин-сибиряк пишет: «Не меня, конечно, слушал т. Ленин, как какую-то персону, а через меня он слушал, что говорят и думают крестьяне во всей массе».

Характерно и умение Ленина слушать. У Клары Цеткин мы находим такую фразу: «...Я не знаю никого, кто умел бы лучше слушать, чем он».

Без этих знаменитых ленинских расспросов не обойтись ни одному драматургу, ни одному актеру. В них выражена ленинская вера в массы. Эта черта мне представляется особенно существенной в образе.

Ленин встречает солдата Шадрина (в пьесе и сценарии Н. Погодина «Человек с ружьем») в коридоре и охотно заговаривает с ним. И понятно. Двигаясь по коридору Смольного, Ленин видел вокруг себя рабочих, матросов, крестьян — замечательных людей, которые служили для него драгоценным источником познания.

Мне кажется, что нет лучшего описания образа Ленина, чем в речи товарища Сталина на вечере кремлевских курсантов: «...Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин... Вера в творческие силы масс — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направлять ее движение в русло пролетарской революции».

Вера в массы и живая связь с массами — это первая черта, первая особенность образа, которую, мне кажется, необходимо понять и ощутить актеру.

Вторая особенность образа Ленина сложилась у меня из разнообразных штрихов и деталей. Творческий процесс протекает часто сложным путем. Иной раз от какой-нибудь, на первый взгляд и незначительной, подробности рождается больше, чем если прочесть кучу книг. Приведу примеры.

Меня поразили записки Ленина, написанные им в острые, напряженные политические моменты. Например, текст письма членам ЦК 6 ноября 1917 года о начале восстания. Какая динамика в построении фраз, в их ритме, в расстановке знаков препинания! Они дают мне даже зрительские ощущения колоссальной динамической устремленности.

Вот известная фотография: политмигранты на улице Стокгольма в 1917 году. Тут большая группа. Но одна фигура выделяется своей стремительностью, своим шагом, поворотом головы. Это, конечно, Ленин. Он рвется в Россию...

Передо мной кинокадр из хроники. Ленин в кремлевском кабинете сидит за столом — на колени покоится его рука, сжатая в кулак. Вглядитесь, какая творческая воля видна в этой сжатой руке. И кажется, что он держит в ней все тайны мироздания.

Памятно описание, как Ленин руководил заседаниями Совнаркома, когда он умел двоить и тропить свое внимание: он слушал внимательно докладчика и одновременно мог писать важную записку, не делая одно за счет другого.

Однажды я разложил фотографии Ленина рядом и стал присматриваться к ним. Владимир Ильич выглядит в каждой из них по-разному. Это бывает тогда, когда человек обладает подвижным лицом, живой мимикой...

Все эти перечисленные штрихи и детали подсказывали мне другие черты ленинского характера: неукротимая энергия, стремительность, настойчивость и непримиримость. Это был характер, выкованный из энергии, воли и убежденности. Ленина, вероятно, трудно было видеть в состоянии покоя. Я могу себе его представить только в движении, всегда страстным, порывистым, целеустремленным. Я себе сформулировал эту особенность образа Ленина так: Ленин был человек, обладавший общественным темпераментом бойца-революционера. Это — темперамент его образа.

Товарищ Сталин говорил: «Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений...» «В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, что «Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде».

Вероятно, можно по-разному трактовать Ленина в том смысле, что какая-то черта его многогранного образа может преобладать. Например, Ленин — ученый, Ленин — трибун и т. д. Деминирующей чертой образа в тех ситуациях, которые мне пришлось воплотить, должно быть его волевое начало: Ленин — вождь. Все действия, все интонации его должны быть четкие и определенные. Все должно быть пронизано инициативой. Мне казалось важным избежать двух крайностей. С одной стороны — суетни

в действиях и поступках, ни в какой мере не выражающей динамики и воли человека. С другой стороны — «рыхлости», которой не должно быть во внутреннем и внешнем рисунке роли. Тут необходимо большое чувство меры.

То, что Ленин умел жить задачами сегодняшнего дня и одновременно заглядывать в будущее и предвидеть его, дало мне ощущение масштаба роли.

В пластическом образе Владимира Ильича я пытался добиться максимального сходства. Важно было создать облик таким, каким он живет в сознании масс. Это была кропотливая, мозаичная работа. В каждой фотографии удавалось разгадать и найти какую-нибудь новую ценную деталь: в одной — линию рта, в другой — манеру подстригать усы, в третьей — улыбку и прищуренный глаз, в четвертой — складки на жилете. Меня долго мучило, что у Ленина на фотографиях крепкие, крупные руки, а у меня другие. Потом я старался держать все время какой-нибудь предмет в руках, от чего рука казалась крупнее.

Зрительный образ врезается в память и наше сознание, пожалуй, сильнее, чем образ литературный. В моем сознании Чапаев, например, живет в образе, созданном Бабочкиным. И я сам себя ловлю на том, что подлинники фотографии Чапаева, кажется мне непохожими на него.

Все это накладывает исключительную ответственность на исполнителей роли Ленина. Эта работа является для нас серьезным художественным и политическим испытанием.

Наш зритель горячо и благодарно принимает спектакли и фильмы, где впервые выведен образ В. И. Ленина. Но было бы неправильно думать, что на этом можно успокоиться и считать работу, хотя бы в отдаленной степени завершенной. Проблема создания образа Ленина в искусстве — это дело не одного актера или даже одного театра — это дело поколений. А сейчас можно говорить о первых, чрезвычайно скромных попытках, которые все же нужны, ибо послужат основанием для дальнейшей работы над воплощением образа Ленина в искусстве. Все это только как бы наброски к будущему великому произведению.